

Романы о бандитской любви

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

СВИНЦОВАЯ
СОВЕСТЬ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.
К60 Свинцовая совесть / Владимир Колычев. —
Москва : Эксмо, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-096902-9

Майор Глеб Дробов получает тяжелое ранение во время спецоперации в Чечне и попадает в госпиталь, где хирург Ольга Евгеньевна буквально вытаскивает его с того света. Между врачом и пациентом устанавливаются дружеские отношения, которые вскоре перерастают в нечто большее, и дело уже идет к свадьбе... Но однажды Ольга исчезает. Майор Дробов уверен, что ее похитили, и обращается за помощью в милицию. Но менты искать Ольгу явно не собираются. И только один опер помогает Глебу: подсказывает, что Ольга могла быть похищена адвокатом уголовного авторитета Свирида. Глеб понимает, что помощи ему ждать больше неоткуда, и начинает собственное расследование...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096902-9

© Колычев В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

РАУНД ПЕРВЫЙ

Глава 1

Организм работает на пределе, на износ, сознание — в ускоренном режиме. Руки выводят автомат на линию огня в привычно быстром темпе, а сама цель движется, как в замедленной съемке. Гранатомет на плече боевика, и, если он успеет выстрелить, быть беде. Но Глеб опережает его, палец жмет на спусковой крючок, пороховые газы с грохотом выталкивают пулю из канала ствола. Только вот некогда следить за ее полетом, надо переводить автомат на следующую цель...

Семь дней в горах, целая неделя на ногах. Мотострелковая колонна нацелена на чеченское село, группа майора Дробова ведет разведку на маршруте движения, обеспечивает ее прикрытие. Техника вязнет в грязи, продвигается медленно, тяжело, а в горах боевики, у них своя задача — затруднить, а по возможности сорвать марш. Семь дней группа Глеба в работе без всякого продыха, люди вымотаны, едва держатся на ногах, потому

и заметили боевиков слишком поздно, позволили застать себя врасплох. Семь дней в горах — это слишком много даже для тренированного бойца, поэтому боевики получили шанс. Глеб оказался на острие удара, и ему нужно продержаться хотя бы пять-шесть секунд, а там его подчиненные оправятся от неожиданности, вступят в бой всеми силами...

Непонятно, что делает здесь этот безусый юнец среди матерых бородачей, но у него в руках автомат, и он готов убивать. Может, ему и шестнадцати нет, но Глеб сейчас действует, по-винуясь рефлексам, моральные соображения на заднем плане. Сопляк уже в прицеле, ударник разбил капсуль-воспламенитель патрона... А в поле зрения уже попал бородачатый араб со звериным оскалом. У него всего лишь один глаз, но на Глеба он смотрит через прорезь прицела, и нет возможности опередить его. Нужно уходить с линии огня.

Глеб отпрыгнул в сторону, в падении перекатился через плечо, но не заметил засыпанный прелыми листьями пенек, ударился об него локтем. Руку будто молнией пронзило, но автомат он удержал. Даже более того, открыл огонь, удерживая оружие больной рукой, и только потом придержал его здоровой. А справа на него вышел еще один «дух», и этот наводит на него автомат, но с ним Глеб успевает справиться, а вот что делать с его напарником, оружие которого также на изготовку? Уж очень близко подобрался враг,

возможности для маневра нет, надежда на то, что боевик промажет...

Опасного боевика срезал кто-то из своих, но до этого он успел выстрелить в Глеба. Одна пуля ударила в живот, другая стукнула по голове...

* * *

Фильм обрывается на самом интересном месте, и если нет возможности досмотреть его до конца, тогда на помощь приходит пересказчик. Так бывает и с реальными жизненными историями.

— «Духов» мы отогнали, а вас, товарищ майор, на руках понесли. Они оклемались, за нами пошли, с фланга хотели обойти, но Карякин разгадал маневр, Лешку с пулеметом выставил. Серегу Чистова подстрелили, Карякин вас на него оставил, а нас на чехов бросил. Они нас подрезать хотели, а мы их врасплох взяли. Четверых уложили, остальные ушли. А там и вертушка подоспела, вас и Чистова забрали, нам сухарей подбросили, патронов, батарей для рации, мы еще сутки потом работали...

Прапорщик Сазонов — человек немногословный. Такие люди, как он, предпочитают показывать свою состоятельность не словом, а делом. В обычной жизни слова из него не вытянешь, вечно хмурый, нелюдимый, только где-то в глубине его глаз время от времени появлялся задорный огонек. А сейчас прапорщика не узнать, разволновался, разговорился так, что не уймешь. Да и не собирался Глеб его останавливать: со-

скутился он по своим ребятам, хочется поскорее к ним вернуться. Сазонов это понимал, потому и развязал свой язык без всякого стеснения. Он рассказывал, как группа вышла из боя, как выполняла задачу дальше, какой разбор полетов потом устроило начальство. Хорошо, Глеб к этому времени был уже на операционном столе, а так бы получил выговор за то, что поставил группу под удар. Увы, но это было действительно так, и дикая усталость тому не оправдание. Впрочем, задача была выполнена, мотострелковая колонна вышла на исходные рубежи, атаковала мятежное селение, выбила из него боевиков, и после окончания операции Глеба представили к ордену. Правда, не факт, что представление это утвердят. Героев много, а наград мало, хотя, казалось бы, все должно быть наоборот.

Глеб мог бы слушать Сазонова и дальше, но в палату вошла Ольга Евгеньевна...

Глеб хорошо помнил, как первая пуля прошила живот. «Все!» — успело мелькнуть у него в сознании. Вторая пуля будто взорвала мир вокруг него, и он оказался в черном безвременном вакууме. Если его убили, значит, где-то в этой темноте должен был вспыхнуть свет и явиться ангел с ключами к вечной жизни. Именно это и произошло. Открыв глаза, Глеб увидел Ольгу Евгеньевну. Она стояла спиной к окну, и он видел ее в ореоле свечения, которое можно было принять за божественное сияние. Потому и принял он ее за ангела, хотя она была обычным земным врачом.

И все-таки Ольга Евгеньевна была его ангелом-хранителем. И не обычным врачом.

Оперировали Глеба в полевом госпитале, но не очень удачно. В Черноземск его доставили в состоянии комы, виной тому — ранение в голову. Но Глеб мог умереть и от ранения в живот, от осложнения, связанного с первой операцией. Что-то там пошло не так, и неизвестно, где бы он сейчас был, если бы не Ольга Евгеньевна. Хотя и молодая она — не больше тридцати лет ей — но руки у нее золотые. И хирург она отличный, и терапевт превосходный. Ничего, что ему вырезали чуть ли не половину желудка, зато сейчас все в порядке. Ранением головы занимался другой врач, талантливый нейрохирург с ученой степенью, Глеб очень был ему благодарен, в то время как Ольгу Евгеньевну он боготворил.

Ольга Евгеньевна ничего не сказала, она тихонько подошла к Сазонову, своей тонкой, невесомой рукой коснулась его плеча, с мягкой и даже теплой иронией во взгляде посмотрела на него. И тот все понял.

— Ну, давай прощаться, Глеб Александрович! Завтра утром я уезжаю, так что здесь вы меня больше не увидите. До встречи в части!

Сазонов поднялся, протянул Глебу свою большую крепкую ладонь. Рослый он мужик, здоровый, и силища у него в руках такая, что подковы в них гнутся. А Глеб роста среднего, в плечах — так себе, рука обычная, совсем не крупная, к тому же организм болезнью очень сильно ослаблен. И все же руку Сазонову он пожал крепко, так, что в костяшках пальцев у него что-то хрустнуло и в глазах мелькнуло веселое удивление.

— Ну и хватка у вас, товарищ майор! Если так дальше пойдет, через месяц в строю будете.

— Будет, обязательно будет, — Ольга Евгеньевна показала Сазонову на дверь, тот понимающе кивнул, ободряюще глянул на Глеба, взял под козырек и вышел из палаты.

— Что здесь у нас? — Ольга Евгеньевна многозначительно посмотрела на тумбочку.

Голос ее звучал в диапазоне между сопрано и контральто, ближе к последнему, но его и под расстрелом не назовешь грубым и уж тем более неприятным. Может, и низковат у нее голос, но звучит нежно, и слушать его — удовольствие. И сама Ольга Евгеньевна одним своим видом ласкает взгляд. Черты лица у нее не совсем правильные, даже грубоватые, нос широковат, зато какие у нее глаза — ясные, как солнечный день над синим океаном, не очень большие, но красивые. Губы пухлые, четко очерченные, помады на них едва-едва, но кажутся они сочными. Русые густые волосы подстрижены каре, чистая, матового цвета кожа, изящная шея. Грудь у нее небольшая, сама она худощавая, а бедра широкие, но это ничуть ее не портит, как раз наоборот... привлекает взгляд. Иной раз Глебу казалось, что ее внешность ничем нельзя испортить. И он даже знал, откуда у него такие мысли.

— Стандартный набор, — улыбнулся он. — Кефир, минералка и апельсины... Я понимаю, апельсины мне нельзя...

— Можно. Я думаю, уже можно. Только не больше половинки в день. Ничего крепче апельсинов, надеюсь, нет?

— Нет. Хотя от холодного пивка я бы не отказался.

— Ничего, будет и на вашей улице пиво...

Ольга Евгеньевна села на стул, еще не остывший после Сазонова, откинула в сторону одеяло, а Глеб сам расстегнул куртку пижамы и задрал майку. Она осмотрела швы на животе, провела пальцами вдоль них, слегка вдавливая их в живот. Не в том он сейчас состоянии, чтобы проводить глубокую пальпацию, и возникал вопрос, что можно нащупать такими вот поверхностными касаниями? Но выражение лица у Ольги Евгеньевны такое, как будто она прощупывала Глеба насквозь, все видела и замечала. Она даже не спрашивала, где и как у него болит, ей и без того, казалось, все было ясно. Да он бы и не сказал, где у него болит, потому что и сам этого не знал. Болезненные ощущения напрочь заглушались чувством удовольствия, которое доставляли ему прикосновения нежных и красивых женских рук. Он готов был еще раз получить пулю в живот, лишь бы только за его лечение снова взялась она.

— Что скажете, Ольга Евгеньевна? — спросил Глеб, когда женщина поднялась со стула.

— Все хорошо.

— Надеюсь, меня не комиссуют?

— А вам не терпится снова попасть под пули? — спросила она, задержав на Глебе взгляд на секунду дольше обычного.

Отношения у них официальные, с дистанцией «врач—пациент», но нет в ней прохладной сухости. О черствости тем более не могло быть и речи, потому что Ольга Евгеньевна сама по себе

человек мягкий, хотя и с характером. И отчужденности между ними быть не могло, ведь она ему как минимум нравилась. А если как максимум... Ольга Евгеньевна догадывалась о его воздыханиях, но виду не подавала, однако он не первый год в этой жизни, поэтому точно мог сказать, что не равнодушна она... К нему самому она, может, и равнодушна, но к его к ней чувствам — вряд ли.

— Профессия у меня такая.

— Опасная у вас профессия.

— Я в курсе.

— Опасная у вас профессия, — в каком-то грустном раздумье повторила молодая женщина. — И к тому же очень активная. Тяжелые физические нагрузки, ненормированный рабочий день, неправильное питание.

— Что есть, то есть.

— А возраст?

— Что возраст? Мне всего тридцать четыре. Как говорил товарищ Карлсон, мужчина в самом расцвете сил.

— У Карлсона моторчик был, он летать мог, а вам на своих двоих по горам приходится бегать.

— У нас вертушки есть.

— Но бегать приходится... К тридцати четырем годам спортсмены на тренерскую работу переходят. И вам неплохо было бы куда-нибудь на преподавательскую работу устроиться. Или на штабную. А лучше всего куда-нибудь в военкомат, там работа непыльная.

— Ну как же непыльная? Там архивная пыль, а она вызывает астму. Лучше дорожную пыль глотать, чем архивную...

— Возможно. Но я бы не рекомендовала вам возвращаться на прежнюю работу. Даже если вас признают годным к службе, все равно вы уже не сможете выдерживать прежние нагрузки, сильное перенапряжение будет сопровождаться острыми болями в животе...

— Зачем вы это мне говорите? — нахмурился Глеб.

— Хочу вас напугать. Хочу, чтобы вы задумались над своим будущим, — Ольга Евгеньевна прямо смотрела ему в глаза. Выражение лица у нее спокойное, непроницаемое, но чувствовалось, что это всего лишь маска, за которой она скрывала переживание за Глеба. Во всяком случае, он так хотел думать. — Вы еще долго пробудете у нас, но хорошо бы, чтобы вы начали думать уже сейчас...

Глеб хотел сказать что-нибудь поперек, но передумал. В сущности, Ольга Евгеньевна права. Не так уже и молод он, чтобы бегать по горам на пределе своих сил и возможностей. В Афгане он был ранен гранатным осколком в спину, ничего, подлечился немного — и в строй. В девяносто пятом в боях за Гудермес ему прострелили ногу, но тогда у него и в мыслях не было сходить с заданной дистанции. Но сейчас ему тридцать четыре года, он уже не мальчик, да и раны в этот раз серьезные — живот распахали, контузия, которая еще долго будет сопровождаться приступами головной боли, если не до конца дней.

Тридцать четыре года ему, но ни семьи нет, ни жилья. Комната в офицерском общежитии да служба — вот и все его счастье. А где-то в Питере у него растет дочь от первого неудачного брака. От первого и единственного...

— Я подумаю.

Действительно, а почему бы ему не перевестись сюда, в Черноземск, в областной или районный военкомат? Хотя и неустроен Глеб в личной жизни, но на службе его ценят, уважают. И связи у него в больших штабах есть, и, в принципе, он мог добиться такого перевода. Город большой, красивый, зеленый — неплохо было бы здесь получить квартиру.

— Вот и хорошо, — мило, хотя и несколько отстраненно, улыбнулась Ольга Евгеньевна.

— Я бы здесь, в Черноземске, остался, есть возможность попасть на теплое место.

— Так в чем же дело?

— Есть одно условие.

— Думаю, это не ко мне, — врач вдруг встрепенулась, будто почуяв подвох.

— Нет, как раз к вам... Вы должны выйти за меня замуж.

Ольга Евгеньевна чуть не поперхнулась, резко втягивая в легкие воздух. Слишком серьезно выглядел Глеб, чтобы воспринимать его слова как шутку. Целая гамма чувств отразилась у нее на лице — возмущение, недоумение, а за осуждением скрывалось восхищение. И щеки ее залила краска. И столько вопросов она хотела задать, что все они просто не могли уместиться на языке. Может, потому и повернулась она к нему

спиной, чтобы воздержаться от столь глупого и нелепого, как ей могло показаться, разговора. А может, она возмутилась настолько, что возненавидела Глеба, а потому и не хотела его видеть...

Глава 2

Умопомрачительный экстази, ревушая музыка и пронзительные стоны красоти — все это ведет в ад, но через райское удовольствие.

Но вот все кончено.

— Уфф!

Свирид оттолкнул от себя официантку, рухнул на спину, в падении кулаком стукнув по кнопке на музыкальном центре. В комнате стало тихо, только слышно, как тяжело дышит девушка, будто не человек рядом с ним лежит, а загнанная лошадь.

— Гы-гы! — самодовольно гоготнул Свирид.

Заездил он девицу до изнеможения.

Он поднял руку, разжал кулак и ладонью шлепнул девушку по заду.

— Пошла вон!

Официантка Свириду не мешала, просто ему интересно было посмотреть, сможет ли она подняться после секса.

А она поднялась, но с трудом. Шатало ее — то ли от виски, то ли, как он хотел надеяться, от усталости.

— Давай быстрее!

Он потянулся к лежащему в кресле пистолету. «Вальтер» у него, последняя модель, только что